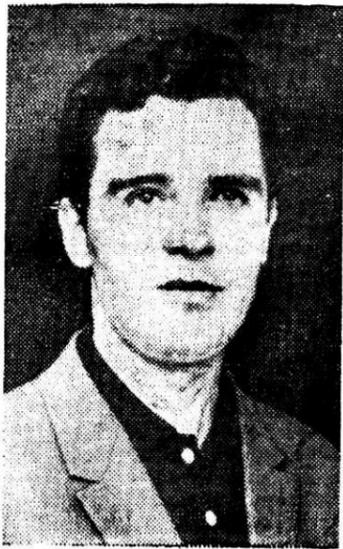

Литературная Страница

ЛЕВ АНКУДИНОВ

ГОЛУБАЯ СТРАНА

Я сегодня устал,
День заварен был круто:
Я прокатка не шла,
и не вовремя подан состав...
Может быть, потому
в предвечерние эти минуты
нежность властно зовет
в дороге для сердца места.
Вновь я вижу:
шоссе убегает полоской
мимо рослых, как другу,
кивающих мне тополей...
Голубая страна,
царство детства — поселок
Березки,
царство первой мечты
и задумчиво синих аллей!
Тополя, тополя...
как и мне,
вам сегодня за тридцать,
с обновленной листвы
белый пух ваш
в лицо мне летит.
Тополя, тополя...
жаль, что мне
не дано обновиться,
чтобы к вам
снеглазым мальчишкой
опять подойти.
Чтобы вновь,
вкрут стволот обвиваясь ногами,
замирая от страха,
к тоненьким веточкам лезть...
Нынче может

Сегодня литературное объединение «Магнит» представляет вниманию читателей еще одного поэта — инженера листопркатного цеха № 3 Льва Анкудинова.

лишь цепкая, жадная память
нарить в теплом гнезде,
прятать яйца грачей
под рубахой
и кричать с высоты
торжествующе звонкое: «Есть!»
Мы не знали тогда,
что невольничьи
творили жестокость,
звал нас подвиг и риск,
ощущение взятых высот.
Мы не видели мам,
что нам строго грозили из окон,
и в гаденыи грачей
мы не слышали жалобных нот.
Вижу sereneкий дом,
сизарей беспризорных на
крыше,

вдоль забора
ликующий пляс лебеды.
И в саду
постаревшую маму я вижу:
из объятий пырея
она выволакивает цветы.
Там в саду —
комары стонут вечером
тонко и длинно,
словно плачут о ком-то,
безднадежно кого-то зовут.
Там в саду —
тянет тонкие руки малина,
капли алые ягод
грустно роняя в траву.
Поседела давно
непокорная мамина прядка,
на красивом лице,
как тревоги, морщинки

сплелись,
Но по-прежнему руки
влюбленно колдуют над
грядкой,
помогая росткам пробиваться,
как судьбам зеленым,
из теплой земли.
Эти руки всегда
только добрыми были —
в необжитой степи
зажигали в тридцатом костры,
и под вопли пурги
эти руки палатки крепили,
создавали уют
у подножья Магнитной горы...
Говорят, что рудник

расширяться со временем будет,
что вопрос о Березках
в горьком как-будто решен:
в Голубую страну
пенасытные вторгнутся будни—
экскаватор
с железным клякатым ковшом.
В дороге места
я приеду,
чтобы рудные глыбы ворочать,
встречу маму,
Услышу, как горько вздыхает
она.

И, за плечи обняв ее
нежно рукой рабочей,
ей скажу:
не грусти, не шепчи —
я уже не нужна...
Чем быстрее меня будчи
в железных объятиях кружат,
о стране голубой
вспоминаю нежней и нежней.
Добрый взгляд твой сегодня,
как в детстве, мне нужен.
Впрочем, нет! — он сейчас мне
намного, намного нужней!

У РОЯЛЯ

С тобою прежде никогда
мы откровенны не были.
Служил ты долгие года
обыкновенной мебелью.
Стоял, припав к стене
спиной,
стоял, бездельем мучаясь.
Спадал непонятая мной
твоя душа могучая.
Нередко слышал ты
сквозь сон,
как соревнуясь с модью,
скрипя, мотал магнитофон
бездумную мелодию.
Порой под шепот тишины,
досадой сердце
плазившей,
как воздух, были мне
нужны

задумчивые клавиши.
Я шел к тебе, шел много
дней
от мишуры эстрадной.
Шагал на ощупь,
как Тезей,
за нитью Ариадны,
держась в пещерной
полутьме
за тонкий луч сознания.
И вот сейчас пришел
к тебе
на первое свиданье.
Ошеломил же глубиной
Твоей души раскованной,
Поговори, рояль, со мной
на языке Бетховена!..

РОДОСЛОВНАЯ

Мой прадед был крестьянин
вольный,
в степи над Камою рекой,
пахал он выжженное поле,
как был, былинною сохой,
Шагал, к сохе клонясь устало,
в густых полуденных лучах.
И мир языческий, казалось,
нес он, ссутулясь, на плечах.
За шагом шаг. И лишь под
вечер
он выпускал из рук рогаль
и, распрямив тугие плечи,
прищурясь, вглядывался
в даль.
Что видел он за дымкой синей:
заботы завтрашнего дня,
соломой крытую Россию,
или грядущего меня?
И день за днем, за летом лето,
минута — счастье, час — беда...
Росли мы в предках незаметно,
как зерна в теплой борозде.
Наверно, в августовской звени,
среди молочного овса —
упала россу на колени
моей праматери коса.
Закат, полынный пьяный запах,
и охмелевшая ветла.
Как тайна, ночь на тихих
лапах,
к ним незаметно подошла.
А под луной куда-то плыли,
тревожно плыли облака,

и вслед за ними уходили
часы и годы, и века...
Когда рабочий люд планеты,
фуражки комкая в руках, —
«Пошли, гляди, пошли
Советы!» —
шептал на разных языках.
На зов страны к горе
Магнитной
сезжалась вся моя родня;
Мне и сейчас до слез обидно,
что с ними не было меня.
Отец и мать моя в тридцатом
пришли от хаты, от сохи
рыть, котлован киркой, лопатой
и по слогам читать стихи.
Невозведенные строения
и вековая целина —
все ожидало в нетерпении
момент рожденья чугуна.
Когда чугун на первой домне
из летки вырвался, лучась,
очнулся я в родильном доме,
в ладонях первого врача.
Я внес свой возглас в мир
огромный...
в тот миг мне не было дано
понять, что был я связан
кровно
с магнитогорским чугуном.
Отец мой приносил с работы
пыльцу графита на плечах,
и отдаленный гул завода
в своих раскатистых речах.
Я помню громкий смех
отцовский,
когда без спроса надевал
его рабочую спецовку,
до пола свесив рукава.
Когда учился в школе,
помню,
на годы медленные злясь,
я рисовал в тетрадах домны,
дымов цветные вензеля.
Давно, давно уплыло детство
в кораблях весенних вод,
и перешел мне по наследству
металлургический завод.
Он каждый день теперь
встречает
меня в дверях у проходной,
и трубы гордые качают
дымы и зори надо мной.
И я знакомою тропой
под кушей алых облаков
иду в незнающий покой
уют грохочущих цехов.

Н. КУРОЧКИН

ЧЕЛОВЕК В ОГНЕ

(Отрывок из романа)

Вдали белели дома нового города. Именно туда и нужно было попасть Борису Гнездилову, чтобы, по выражению Гошки, принять участие в восхитительной вечеринке с тремя дамами, имеющей место быть в семь ноль-ноль на холостяцкой квартире Симона Кисельмана.

Кто такой Симон Кисельман, Борис не знал, зато прекрасно знал своего приятеля Гошку и догадывался что тот просто шутил ради переименования чье-то имя и фамилию. На то он и Гошка!

Между станцией, где жил Борис, и городом ходил автобус. Билет в один конец стоил шесть копеек, в кармане у Бориса была как раз такая сумма. Он прибежал на случай, если вечеринка затянется, шел поэтому пешком, но в истинной причине вынужденной прогулки не признавался даже и самому себе.

Интересно, до каких пор он будет жить таким образом? Вот уже год без работы.

Борис прищурился, вскинув голову: подумаешь марш!

Он доймал себя на желании очутиться в цехе, ругнулся, потому что не любил признаваться в чем-то, да и не хотел. Кое-что и почище видел, не то что лопатой у печи махать.

...Гошка встретил Бориса на дороге указанной квартиры. На нем была модная куртка цвета нежнейшего крема, коричневые брюки, салатные носки, плетенки-туфли, и вообще одет он был сногосшибательно, не говоря уж о галстук, прическе и прочих атрибутах туалета.

— Простю! — и добавил: — Мой друг, Борис, свободный художник!

Борис понял, что сегодняшняя «вечеринка с тремя дамами» нечто вроде новоселья и собрался уже руг-

— 2 —

нуть Гошку, что не предупредил, и он, Борис, явился без традиционного подарка, но в это время увидел одну из девушек и... уккоризненные слова вылетели из головы.

...Студентка.
Молоденькая студентка, почти школьница. Губы у нее слегка припухлые, лицом она похожа на веселого чуть курносого мальчишку. В серо-синих ее глазах, ярких до того, что они кажутся непомерно большими, такая неподдельная доверчивость, что хочется думать только о хорошем.

— Надежда.
— Надежда?..

Борис переспросил бессознательно и не понял, что она назвала свое имя: для него это слово значило сейчас иное...
— Ну да, Надежда, Надя.
— А! Простите, очень приятно... У вас такое надежное имя... Борис не знал, что ей сказать, он вообще еще не пришел в себя, как будто увидел что-то необычное.

— Танцуете?
Надя медленно подняла на него пушистые ресницы.
— Да.
Выходят же такие, — удивленно подумал Борис: — Нарисуй — не поверят... И спросил: Вы в педагогическом учитесь?
— Я? — удивилась она. — С чего вы взяли?
— Значит, в горном?
— Я ни в каком, — ответила Надя. — Я еще в прошлом году кончила педагогический.
— В школе работаете?
— Нет. У меня свободный диплом. Не нравится мне Магнитогорск, уеду.
— И скоро? — упавшим голосом спросил Борис.
— Не знаю, — замылась Надя, — месяц-два, наверное, придется повозиться с классом.
У Бориса отлегло от сердца.
После вечеринки проводил Надю. Мелодичные трамвайные звонки приглушенно плавали в воздухе. Уличные фонари осторожно освещали идущих. И хотелось чувствовать себя настоящим хорошим человеком.

— 3 —

— А вы, Борис, давно знаете Гошу? — спросила Надя.
— Давно... Мы вместе еще ремесленное училище кончали.
— Значит, вы тоже по контролю металла работаете?
— Ну, какой я контролер! Я рабочий.
— Рабочий, фи... какая проза, — она поморщила переносье и рассмеялась.
— А кто по профессии, если не секрет?
— Не секрет. Сталевар.
— Ого! Звучит. Почему же Гоша назвал вас свободным художником? Хотя, я понимаю. Вы поругались с начальством и уволились. Угадала?
— Угадала, — сказал Борис мрачно.
— А вы не грустите. Найдете что-нибудь интересное. Все ищут лучшего...
И Борису вдруг тоже захотелось уехать куда-то. Он ничего не потеряет. Но как, как?
Словно бы соглашаясь с ним, в кармане тихо звякнули две трехкопеечные монеты. Борис хотел возразить, что ничего интересного он не найдет, но в это время из-за угла вывернулся автобус.

— Нам вместе? Вы ведь проводите меня, правда? Я ужасная трусиха, и поглядела на него. Борис похолодел. Поехать с ней!
Это было бы его полным, как он думал, банкротством. Как он может сказать, что у него нет денег на два билета.
Автобус приближался, выхода не было. Умереть сейчас ничего бы не стоило. Но его смерть витала где-то в будущем. Борис решил. С затвердевшим лицом он улыбнулся Наде и сказал будничным голосом, как случайно встреченной знакомой:
— Простите, мне сюда. Всего хорошего.
Оставив ошеломленную девушку в дверях автобуса, зашагал в сторону. В его кармане по-прежнему постукивали друг о друга две трехкопеечные монеты, и стук их негодующими ударами грома отдавался в сердце.

Так закончилась для Бориса гошкина «восхитительная вечеринка с тремя дамами, имеющая место быть в семь ноль-ноль на холостяцкой квартире Симона Кисельмана».

(Окончание на 4-й стр.)